

НАМЕРЕНИЕ, СУБЪЕКТ ВОЛИ И СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ*

Суровцев Валерий Александрович – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник. Институт философии и права СО РАН. Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Заведующий кафедрой истории философии и логики, профессор. Томский государственный университет. Российская Федерация, 634050, г. Томск, пр. Ленина, д. 25; e-mail: surovcev1964@mail.ru

Текст является репликой на статью К.А. Родина о теории действия в философии позднего Витгенштейна. Анализируется апофатический подход к описанию воли, волевого действия, субъекта воли. Апофатический подход К.А. Родина сравнивается с подходом к определению трансцендентального субъекта у Э. Гуссерля. Высказывается сомнение, что апофатический подход к описанию волевого действия может служить основанием социальной теории.

Ключевые слова: Л. Витгенштейн, намерение, воля, интенция, теория действия, Э. Гуссерль

INTENTION, SUBJECT OF WILL, AND SOCIAL THEORY

Valeriy A. Surovtsev – Dsc in Philosophy, Leading Research Fellow. Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 8 Nikolaeva St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation. Chief of Department of History of Philosophy and Logic, Professor. Tomsk State University. 25 Lenin Av., 34050, Tomsk, Russian Federation; e-mail: surovcev1964@mail.ru

The article contains some considerations on K.A. Rodin's reconstruction of the theory of action in works of later L. Wittgenstein. His apophatic approach to descriptions of will, volition, subject of will is analyzed. This approach is compared with approaches to Husserl's definition of a transcendental subject. It is argued that the apophatic approach to the description of volition as a foundation of social theory is doubtful.

Keywords: Wittgenstein, will, intention, theory of action, Husserl

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-78-10082 «Аналитическая философия и современные исследования в области социальной теории».

В статье «Заметки Л. Витгенштейна о намерении и действии в контексте социальной теории» [Родин, 2022] К.А. Родин ставит две задачи: во-первых, он стремится в более-менее последовательной форме реконструировать теорию Витгенштейна, касающуюся действий; во-вторых, на основании этой реконструкции он пытается оценить практическое значение этих идей для исследований в рамках современной социальной теории. Начнем с некоторых замечаний относительно реконструкции, поскольку ее адекватность является важным моментом для ответа на вопрос, в каком смысле теория действия Витгенштейна может (и может ли вообще) оказать влияние на социальные теории.

Реконструкция К.А. Родина, поскольку его интересует возможная связь идей Витгенштейна с социальной теорией, касается только осмысленных волевых актов, т.е. его не интересует вопрос о произвольных действиях и их связи с физиологическими условиями их осуществления, как она может трактоваться в генеративных и перцептивных моделях волевых актов [Разеев, 2021]. Интерес вызывают именно осмысленные волевые акты, т.е. действия, сопровождаемые намерениями. К.А. Родин прекрасно осознаёт, что в силу особенностей философствования Витгенштейна обнаружить целостную теорию действия в его построениях чрезвычайно сложно. Тем не менее он пытается выявить некоторую квазитеорию намеренных действий, выделяя узус, связанный с выражениями «воля», «волевой импульс», «волевое действие» и др., прежде всего в «Философских исследованиях» (главным образом в параграфах 611–647) [Wittgenstein, 1953], и находит здесь определенную логику. В чем же, с его точки зрения, заключается эта логика? Кратко представим ее основные, как нам видится, пункты.

Первое, что привлекает внимание, касается того, что К.А. Родин интерпретирует узус, связанный у Витгенштейна с намеренными волевыми действиями, как апофатический подход к описанию волевого акта. С точки зрения Витгенштейна, волевое действие не является особым, отдельным актом, как, например, желание, переживаемое в опыте. Как следствие, само волеизъявление невозможно отличить от намеренного действия. Воля не есть нечто само по себе и не может рассматриваться как особая сущность, обнаруживаемая в опыте. В пользу этого говорит то, что воля не может быть своим собственным объектом в том смысле, в каком своим собственным объектом могут быть другие типы переживаний, обнаруживаемые в опыте. Например, можно желать что-то желать, но нельзя проявить волю к тому, чтобы проявить волю. К тому же объектом воли могут быть разнообразные переживания опыта, но сама воля не может быть их объектом (например, я могу проявить волю к тому, чтобы пожелать что-то, и в этом случае желание может возникнуть, но бессмысленно желать проявления воли, поскольку само по себе желание не приводит к проявлению воли).

В пользу того, чтобы отказаться рассматривать волю как особую, переживаемую в опыте сущность, говорит и то, что воля утрачивает пространственные и временные определения. Спрашивать, где именно и когда осуществляется воля, бессмысленно, поскольку воля не локализуется телесно. Можно испытывать боль в руке в определенное время, но где телесно локализована воля, когда я поднимаю руку? То же самое касается и темпоральных определений, поскольку невозможно указать на длительность волеизъявления в том смысле, как можно, например, указать на момент возникновения и исчезновения боли. Волевой акт воздействует на тело, но он не может воздействовать сам на себя. Воля никогда не является объектом действия. Кроме того, само тело может не подчиняться воли, когда человек в силу каких-либо причин обездвижен. Таким образом, воля, волевой акт, волеизъявление не являются феноменальным содержанием опыта, но представляются чем-то таким, что может рассматриваться как его условие, а именно условие того опыта, в котором реализуется действие. Апофатический подход к описанию воли в связи с невозможностью пространственной и временной локализации приводит в некотором смысле к ее исчезновению. Воля выводится за рамки феноменального содержания опыта субъекта.

Это, однако, не означает, что вывод воли за рамки феноменального содержания опыта требует рассматривать ее как некую метафизическую конструкцию. Воля реализована в опыте, и помимо опыта никакой воли нет. Но что это может означать? Если воля не есть метафизическая сущность, внешняя по отношению к опыту, значит, она является если и не феноменальным содержанием опыта, то организующим опыт структурным элементом, например, схемой синтеза определенных представлений, которые, будучи не осознаны, связаны с осознанным действием каузально. Такие схемы могли бы *post factum* выступать в качестве объяснительного принципа волеизъявления. Они могут рассматриваться как кинестетические образы, запечатленные памятью, или же как образы, схематизирующие последующие действия, которые могут быть выражены в предсказании. Но сам характер мнемонических и предсказательных схем, которые выступают как образы действия, указывает на то, что они составляют содержание опыта, а не являются его условием. Воля же и волеизъявление, реализуемые в намеренном волевом акте, не являются представлениями, и попытки редуцировать их к памяти кинестетических ощущений или к предсказаниям несостоятельны.

Реконструкция К.А. Родиным апофатического подхода к описанию намеренного волевого действия у Витгенштейна наводит на одну аналогию, которая на первый взгляд не столь очевидна, поскольку касается рассмотрения не субъекта воли, но трансцендентального субъекта. Имеется в виду то, как Э. Гуссерль подходит к описанию трансцендентального субъекта в своей работе «Идеи к чистой

феноменологии» [Гуссерль, 2009]. В результате последовательных редукций предметов внешнего опыта и содержания переживаний, что в общем может рассматриваться как разновидность апофатического подхода к описанию субъекта познания, Гуссерль приходит к выводу, что единственное, что можно сказать о трансцендентальном субъекте, так это то, что он совершенно пуст. Трансцендентальный субъект предстает в качестве полюса интенциональных актов, придавая единство сознанию, но сам не являясь его содержанием. Если трансцендентального субъекта в этом смысле заменить субъектом воли, то вполне себе может получиться картинка, к которой приводит попытка апофатического описания осознанного волевого действия. Единственное, что можно сказать о воле, или лучше о волеизъявляющем субъекте, ведь нет никакой воли самой по себе, помимо субъекта воли, так это то, что такой субъект совершенно пуст. По аналогии с трансцендентальным субъектом Гуссерля такого субъекта волеизъявления можно было бы рассматривать как полюс, придающий единство действию. Воля суть то, что лежит в основании единства действия, поскольку всё подводится под волю. Единство воли – это полюс единства действия, как трансцендентальный субъект Гуссерля – это полюс единства представлений; единство воли – это практический аналог трансцендентального единства апперцепций. Суммируя, можно было бы сказать, что любое действие есть проявление воли, но сама воля есть некий эпифеномен. Подобно кантовской вещи в себе, она всегда проявляется, но сама по себе не известна. Любая попытка выяснить, что такое воля, заслоняется и извращается представлением. Волеизъявляющий субъект есть полюс, осуществляющий (подобно трансцендентальному субъекту в стиле Гуссерля, синтезирующему представления) синтез элементов намеренного действия.

Можно ли обнаружить такой ход развития теории осознанного действия у Витгенштейна? Очевидно – нет! Надо сказать, что К.А. Родин в своей интерпретации к подобного рода аналогии не прибегает. Вывод, который он делает из апофатического подхода к описанию волевого акта, прямо противоположен. Нет никакой метафизической воли, как и нет никакой воли в качестве внепространственного и вневременного субъекта волевых действий. Как утверждает К.А. Родин, вывод подобного рода для Витгенштейна представляется просто нелепым [Родин, 2022, с. 17–29]. Это связано с тем, что основным структурным элементом любого осознанного волевого действия является намерение. Во всяком случае, осознанный волевой акт выражен в намерении, а волеизъявляющий субъект – это форма выраженного намерения в осознанном волевом акте.

Особый статус намерения в осознанном волевом акте связан с тем, что оно не является содержательным элементом волевого акта наряду с желанием или решением. Намерение не есть то, о чем кто-то

думал, что кто-то предсказывал, желал или решил. Последние могут рассматриваться до и помимо волевого акта, они от него независимы, хотя и могут составлять его особое содержание. Намерение же не есть наследие кинестетических переживаний, оно не есть образ памяти, оно не есть предсказание последующих действий, оно не есть решение и т.д. «Я решил сделать то, что сделал», «Я планировал сделать то, что сделал» – во всех этих фразах, собственно, нет никакого намерения. Намерение суть то, что реализовано в самом действии. Планирование, решение, опора на память не являются собственно намерением. Намерение обнаруживается только в факте осознанного действия. Глупо говорить «я намеревался, но передумал», поскольку само действие и есть реализация намерения. Как утверждает К.А. Родин: «Основная нить заметок Витгенштейна по теории действия проходит через ряд отвергаемых и сводимых к нелепости предположений об отдельной природе намерения в рамках намеренного действия и о соотношении намерения и действия. Витгенштейн отвергает любое опосредование между намерением и действием и любые попытки свести намеренность действия к отдельным сущностям: воле, представлению, желанию, феноменальному опыту, кинестетическому ощущению, некоторому отдельному чувству» [Родин, 2022, с. 17–29]. Но это не означает, что само намерение есть что-то до и помимо волевого акта. Собственно, намеренное действие – это и есть воля, волеизъявляющий субъект, волевой акт. Нет никакого субъекта воли, помимо намерений, и нет никаких намерений, помимо субъекта воли, «намерение выражается в соответствующей ситуации и не может быть выражено иначе» [Там же].

Раз намерение определяет существо осознанного волевого акта, то здесь для придания теории действия Витгенштейна законченной формы следовало бы объяснить, что такое это намерение. Речь, конечно, не идет о явном определении, имеющем, например, родо-видовую форму. В силу фундаментальности самого понятия намерения для описания осознанного волевого действия это вряд ли представляется возможным. Развивая свою интерпретацию, К.А. Родин опять прибегает к описаниям, имеющим апофатический характер. Намерение не есть ни мнемонический образ, ни предсказание, ни решение, ни что-либо подобное. Это в общем-то и понятно, поскольку вытекает из всех предыдущих объяснений. Поскольку намерение и есть существо осознанного волевого действия, а волевое действие и есть, собственно, воля, но волю позитивно определить не представляется возможным, то и намерение не может быть подлежащим такого определения. Наверно, единственное, что позитивного можно сказать о намерении, в некоторой степени аналогично тому, что Витгенштейн говорит о правиле, разбирая соответствующую проблему следования правилу. Нельзя сказать, что есть намерение, определяющее мое действие, как нельзя сказать, что есть правило, в соответствии

с которым я действую. Как правило обнаруживается в факте его применения [Суровцев, 2020], так и намерение обнаруживается в самом действии. Намерение не существует до и помимо его реализации. Нельзя следовать внешнему правилу и нельзя следовать внешнему намерению, поскольку намерение, как и применение правила, обнаруживается самим осознанным действием.

Возникает резонный вопрос, каким образом такая интерпретация осознанного волевого акта, основную роль в котором играет намерение, может иметь отношение к социальной теории? Апофатический подход к описанию воли, волеизъявляющего субъекта, волевого действия (т.е. ко всему тому узусу, в котором определяющую роль играет намерение) вряд ли может служить основанием разработки какой-то теории социального действия. Уже в силу того, что намерение (в интерпретации К.А. Родиным понимания действия Витгенштейном) никаким образом не связано ни с мнемоническими образами, ни с предсказаниями, ни с решениями, его описание, тем более апофатическое, не будет давать никакого позитивного результата. Интерпретация подобного рода приводит только к тому, что социальная теория, основанная на таком понимании намерения, не будет выполнять ни объяснительную, ни описательную, ни прогностическую функции, что в общем-то как раз и требуется от социальной теории.

Интерпретация Витгенштейна у К.А. Родина приводит, собственно, к невозможности позитивного описания социального субъекта. Но если, как считает А. Ожъен [Ogien, 2018], на которого опирается К.А. Родин, осмысленное действие должно рассматриваться с точки зрения взаимодействия социального субъекта и социума, то каким образом здесь могут оказать влияние так интерпретированные идеи Витгенштейна? К.А. Родин находит выход в том, что основную роль здесь должна играть социальная практика. А если учесть, что речь идет о Витгенштейне, то такая практика должна, конечно, быть прежде всего языковой практикой. Осознанное волевое действие в форме выраженного намерения как раз и должно служить основанием объяснения социального взаимодействия, поскольку, как считает К.А. Родин: «Связь между намерением и действием внутренне управляется грамматикой языка. Последняя разнообразными способами (нигде четко не фиксированными) связана с практикой (принятыми в сообществе практиками) и с человеческой формой жизни» [Родин, 2022, с. 17–29]. Вот в этом, собственно, и состоит главный позитивный вывод, но он как-то слабо связан с предшествующей реконструкцией. Вряд ли здесь имеется в виду, что социальная теория должна сводиться к анализу различных способов употребления термина «намерение». Хотя такое вполне может быть. Например, в известной работе «Решение, намерение и достоверность», касающейся теории права, С. Гэмпшир и Г. Харт основываются на том, что прежде, чем говорить о достоверности намерения и принятого на его основании

решения, нужно выяснить, каким образом эти термины употребляются в сообществе [Гэмпшир, Харт, 2017]. Но вряд ли такой подход может лежать в основании социальной теории. Скорее, это может выступать как особый методологический подход.

Даже если и принять, что социальная теория – это по преимуществу анализ языка, описывающего осознанные волевые действия, вряд ли этот анализ должен носить сугубо апофатический характер.

Список литературы

Витгенштейн, 2015 – *Витгенштейн Л.* Дневники 1914–1916 / Пер. с нем. В.А. Суровцева. М.: Канон+, 2015.

Витгенштейн, 2017 – *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат / Пер. с нем. И.С. Добронравова и Д.Г. Лахути. М.: Канон+, 2017.

Гуссерль, 2009 – *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. Общее введение в чистую феноменологию. М.: Академический проспект, 2009.

Гэмпшир, Харт, 2017 – *Гэмпшир С., Харт Г.Л.А.* Решение, намерение и достоверность // Харт Г. Философия и язык права. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. С. 215–229.

Разеев, 2021 – *Разеев Д.Н.* Генеративная и перцептивная модели волевых актов // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 1. С. 112–124.

Родин, 2022 – *Родин К.А.* Заметки Л. Витгенштейна о намерении и действии в контексте в социальной теории // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59. № 1. С. 17–29.

Суровцев, 2020 – *Суровцев В.А.* Следование правилу и социальная теория // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57. № 3. С. 50–55.

References

Hampshire, S., Hart, H.L.A. “Reshenie, namerenie i dostovernost’” [Decision, Intention and Certainty], transl. by V.V. Ogleznev & V.A. Surovtsev, in: H.L.A. Hart. *Filosofiya i yazyk prava* [Philosophy and Language of Law]. Moscow: Kanon+, 2017, pp. 215–229. (In Russian)

Husserl, E. *Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. Kniga pervaya. Obshchee vvedenie v chistuyu fenomenologiyu* [Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch: Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie]. Moscow: Akademicheskij prospekt, 2009. (In Russian)

Ogien, A. *Practical Action: Wittgenstein, Pragmatism and Sociology*. Cambridge Scholars Publishing, 2018.

Razeev, D.N. “Generativnaya i perceptivnaya modeli volevykh aktov” [Generative and Perceptive Models of Volition], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2021, vol. 58, no. 1, pp. 112–124. (In Russian)

Rodin, K.A. “Zametki L. Vitgenshteina o namerenii i deistvii v perspektive sovremennykh podkhodov v sotsial’noi teorii” [Wittgenstein on Intention and Action in the Perspective of Contemporary Approaches in Social Theory], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2022, vol. 59, no. 1, pp. 17–29. (In Russian)

Surovtsev, V.A. “Sledovanie pravilu i social’naya teoriya” [Rule Following and Social Theory], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2020, vol. 57, no. 3, pp. 50–55. (In Russian)

Wittgenstein, L. *Dnevniky 1914–1916* [Tagebücher 1914–1916], trans. by V. Surovtsev. Moscow: Kanon+, 2015, pp. 29–149. (In Russian)

Wittgenstein, L. *Logiko-filosofskii traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus], trans. by I. Dobronravov & D. Lakhuti. Moscow: Kanon+, 2017. (In Russian)

Wittgenstein, L. *Philosophical Investigations*, E.M. Anscombe and R. Rhees (eds.). Oxford: Blackwell, 1953.